

В.А. Кохнович (Минск, БГУ)

П.А. ВАЛУЕВ – ЛИЧНОСТЬ И РЕФОРМЫ В РОССИИ

Пётр Александрович Валуев (1815–1890) был выходцем из старого, известного с XIV ст. дворянского рода. Основатель рода – боярин Тимофей Васильевич Валуев руководил владимирским и юрьевским полками в Куликовском сражении. П.А. Валуев получив хорошее домашнее образование, он уже в 17 лет поступил на государственную службу в канцелярию московского генерал-губернатора. На государственной службе он состоял удивительно долго – до 4 октября 1881 г., и был отставлен от должности председателя Комитета министров в результате обвинений специальной комиссии сенатора М.Е. Ковалевского, выявившей ряд злоупотреблений при передаче из казённой в частную собственность земель в Башкирии во время замещения П.А. Валуевым должности министра государственных имуществ в 1872–1877 гг. Хотя, как общепризнано, П.А. Валуев к выявленным злоупотреблениям причастности не имел (его причастность так и не была доказана), но в условиях возвышения М.Т. Лорис-Меликова ему не удалось вновь восстановиться на государственной службе, которой он, без преувеличения, посвятил всю свою жизнь.

Несмотря на значимость политической фигуры Петра Александровича Валуева в истории России второй половины XIX ст., историческая наука не располагает специальными работами, которые были бы посвящены этой незаурядной личности. Действительно, широко известны важнейшие факты его биографии: в 1853–1858 гг. был Курляндским губернатором, в 1855 г. написал получившую широкую популярность рукописную записку «Дума русского», с 23 апреля 1861 г. по 9 марта 1868 г. возглавлял министерство внутренних дел, провел в жизнь земскую и цензурную реформы, министр государственных имуществ в 1872–1877 гг., в 1877–1881 гг. возглавлял Комитет министров.

В меньшей степени известно, что с апреля 1858 г. и по январь 1861 г. П.А. Валуев возглавлял 2-й департамент министерства государственных имуществ. Главной его заслугой на этом поприще стало не противостояние одиозно консервативному министру М.Н. Муравьеву, а приведение в порядок бухгалтерского учета и делопроизводственного оборота подведомственного учреждения. Также малоизвестно то обстоятельство, что Петр Александрович был литератором и оставил после себя не только очень

ценный «Дневник», но и роман в 2-х частях «Лорин» (1882 г.), романы «Черный Бор» (1887 г.) и «Княгиня Татьяна» (1890 г.), немало стихов, «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года», ряд статей, с которыми периодически выступал в зарубежной и русской прессе с 1856 г., а также неизвестные широкой общественности рукописи – записки по политическим, общественным и литературным вопросам.

Современники относились к П.А. Валуеву неоднозначно. Можно с уверенностью сказать, что до сего момента личность его остается загадкой для исследователей и знатоков русской истории. Для радикальной российской общественности Валуев был беспринципным бюрократом, «реакционером в бархатных перчатках». Так, в 1862 г. в журнале «Искра» вышла карикатура на П.А. Валуева – министра внутренних дел, где он изображен как ловкий либерал-эквилибрист, усердно держащийся золотой середины – «спасительного каната». Вместе с тем, широко известна его полемика с М.Н. Катковым, А.Н. Аксаковым, А.И. Кошелевым и кн. А.И. Васильчиковым, в которой открыто осуждал романтическую утопию и национализм славянофильских взглядов. Именно последнее вело его к постоянным столкновениям со сторонниками Н.А. Милютина при Дворе, а также с русскими националистами по польскому и остзейскому вопросам. Итогом стало клеймение П.А. Валуева в изданиях типа «Москвич», «Московские ведомости» как «остзейского феодала, барона или маркиза в России», чуждого ей и вредного. С подобных же позиций оценивали его «ура» – патриотически настроенные представители верховной власти – как космополита, держащегося сугубо за европейское общественное мнение.

Еще более сложной его оценка стала в советский период. Так, профессор П.А. Зайончковский, много лет занимавшийся наследием П.А. Валуева и издавший его дневник, писал о нем: «Являясь убежденным сторонником самодержавно-дворянской монархии, Валуев вместе с тем как умный и прозорливый человек понимал возможность гибели этого строя. Поэтому действия правительства расцениваются Валуевым далеко не апологетически, суждения его полны скептицизма» [1, с. 7]. Безусловно, такая характеристика практически ничего не меняла в оценке и без того противоречивой и непонятной ни современникам, ни потомкам фигуры Петра Александровича Валуева. Поэтому особую актуальность для нас приобрело обращение к психологическим чертам и внутреннему миру этой исторической личности. Особое внимание обращает на себя период его исполнения должности министра внутренних дел, так как на этом посту и по должностному своему положению и по участию в государственных делах он должен был сыграть ключевую роль в проведении наиболее значимых реформ эпохи Александра II.

Основным источником информации о личности П.А. Валуева служит его дневник за 1861–1876 гг., изданный в 1961 г. под редакцией П.А. Зайончковского. Вместе с тем, известно, что Валуев начал вести свой дневник еще в 1845 г., но вырезал и сжег начало за 1845 – 1846 гг. [1, с. 11]. Также следует учитывать то обстоятельство, что П.А. Зайончковский не нашел дневник Валуева за 1847–1858 гг. и предполагает, что таковой не сохранился, как и 2-й вариант дневника за 1873–1883 гг. [1, с. 10]. Как и то, обстоятельство, что в наибольшей степени информативной из сохранившейся части дневника являются записи за время исполнения им должности министра внутренних дел. Именно здесь находится искомый ответ о влиянии его личности на ход реформ в России.

Первое, что необходимо отметить, это чрезвычайно высокий уровень тревожности и даже некоторой досады на обстоятельства, которые демонстрирует Петр Александрович Валуев. В действительности, из дневника мы можем узнать об относительно малой роли Валуева как министра внутренних дел в выработке и проведении преобразований в России, что само по себе несколько контрастирует с известными в исторической литературе суждениями о роли этой личности в проведении «великих реформ». Важны для нас также такие выявленные черты личности Петра Александровича, как непостоянство и отсутствие четкой политической программы. В итоге, мы можем говорить лишь о наличии определенных высоких моральных и христианских взглядов и убеждений, а также культе государственного служения, делавшего его невольной и несчастной марионеткой самодержавного режима. О последнем и сам он горько сетовал, как увидим из приводимых ниже материалов дневника.

Основное, что, пожалуй, красной нитью проходит через сознание Валуева эпохи исполнения им должности министра внутренних дел – это невыносимый и гнетущий груз ответственности, который ему как крест пришлось нести почти семь лет.

«День как все дни. Печально» (6 ноября 1865 г.) [2, с. 76]. «Работаю нехотя. На долго ли? С какою пользою?» (8 февраля 1866 г.) [2, с. 101]. «Никто не знает, как надрывается мое сердце, как измучен я и какие грустные думы на мне лежат свинцовым бременем. На дворе солнце. Есть жизнь, движение, есть что-то действительно праздничное. Внутри меня одно только отрадное чувство, что Бог видит мое горе и что перед ним оно не пропадает» (27 марта 1866 г.) [2, с. 112]. «Тяжкие заботы. Не знаю, как угодно будет Богу указать им предел»; «Тяжело то, что вся моя официальная жизнь, все мои трудовые дни пронизаны частным горем. Сердце постоянно в тисках» (20 апреля 1866 г.) [2, с. 120]. «Покоя нет. Будет ли? Не надеюсь» (22 мая 1866 г.) [2, с. 127]. «Работал. Без охоты и без надежд» (19 июня 1866 г.)

[2, с. 133]. «Я всегда только половина самого себя и потому опасаясь, чтобы мне не пришлось переливать из пустого в порожнее» (1 июля 1866 г.); «Работал. Также непрерывное принуждение и усилие. Мне не до работы. Господи! Когда дано мне будет вздохнуть свободно! Годы идут, сердце в тисках, голова под непрерывным гнетом» (2 июля 1866 г.) [2, с. 136]. «Я чувю, что развязка близится...» (14 августа 1866 г.) [2, с. 142]. «Тяжелое горе. Никто не знает, какие опасения меня давят» (16 ноября 1866 г.) [2, с. 169]. «Работа и тревожные ожидания по частным заботам. Никто не знает, до какой степени они меня гнетут» (14 декабря 1866 г.) [2, с. 175]. «Мое положение почти невыносимое» (14 января 1867 г.) [2, с. 182]. «Самое отчетливое впечатление, ощущение или чувство во мне — чувство тягости, утомления, безнадежья, возрастающего от длинного ряда охлаждений равнодушия. Я совершенно один, и к этому одиночеству привели меня труды и заботы, наполнившие 20 лет моей жизни!» (22 января 1867 г.) [2, с. 185]. «Чувствую сильную усталость. Я деятелен только урывками» (10 марта 1867 г.) [2, с. 193]. «Тяжело, прискорбно, возмутительно и неизбежно» (14 апреля 1867 г.); «Несветло и непразднично на душе. Другая жизнь, воскресение, утешительная мысль!» (15 апреля 1867 г.) [2, с. 200]. «Все, что меня окружает, все, что на моих глазах делается и предпринимается, кажется мне временным, мимоходным, непрочным, бесплодным» (21 апреля 1867 г.) [2, с. 202]. «Ощущаю нередко в кругу официальной моей деятельности чувство, похожее на морскую болезнь. Ко всему делаешься равнодушным. Все постыло, все возбуждает отвращение» (5 мая 1867 г.) [2, с. 203].

Это только часть дневниковых заявлений Валуева об обстоятельствах исполнения им одной из самых важных в России министерских должностей. Безусловно, у нас нет достаточных оснований, чтобы подобно П.А. Зайончковскому обвинить Валуева в лицемерии [1, с. 7]. Вместе с тем, следует отметить в Валуеве такие качества, как набожность и взвешенность позиции. Также, безусловно, и то, что он обладал превосходной интуицией и даром предвидения. В дневнике находим и однозначные, хотя и весьма осторожные указания на будущность России: видел в форме конституционной и представительной монархии. Об этом говорит как его проект о земском и дворянском представительных собраниях при Государственном Совете 1863 г., так и его постоянные обсуждения данного вопроса с великим князем. Вместе с тем, его явно сковывали обстоятельства: «Я связан, опутан. Я не могу сдвинуться с той точки постоянных колебаний, на которую судьба меня поставила» (25 мая 1866 г.) [2, с. 128]; «Все наши колебания происходят, собственно, оттого, что время требует новых форм, а мы желаем удержать прежние» (25 июля 1866 г.) [2, с. 140]; «Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не

действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности, к чувству приличий нам совершенно чуждо» (10 октября 1866 г.) [2, с. 155].

Таким образом, главным препятствием деятельности и прогресса в России (реформ) П.А. Валуев видит не в главенстве консервативных и даже самодержавных взглядов, а именно в низкой (“азиатской”) культуре россиян. Подтверждение последнему тезису мы можем найти во множестве высказанных суждений Петра Алексеевича во 2-м томе его дневника.

Несомненно и то, что роль Валуева как министра внутренних дел была весьма зависима и своеобразна в условиях его эпохи. Эту роль он вполне резонно определял следующим образом: «... я не имею лично того значения и влияния, которые должны при нынешних обстоятельствах принадлежать министру внутренних дел» [2, с. 82]. Об этом откровенно и однозначно Валуев говорил и императору, и сановникам Двора: например, при подаче прошения об отставке 3 декабря 1865 г. Вообще, очень характерны его жалобы на недружественную позицию государя и других чиновников, постоянно препятствующих проведению его начинаний в жизнь. При таких обстоятельствах удивительно было сохранение П.А. Валуевым своей должности, что обуславливалось одним качеством его личности, которое, впрочем, не влияла существенным образом на баланс сил при Дворе. Эта роль, осознанная самим Валуевым (в записи дневника за 3 февраля 1867 г.): «... на мою долю приходится роль балласта для придания нашему кораблю устойчивости и роль рулевого, чтобы не допускать слишком неудобных уклонений» [2, с. 187].

Безусловно, П.А. Валуев прекрасно осознавал свою роль необходимой марионетки государя, о чем в свойственной ему манере весьма ярко писал: «Погода прекрасная. Ясные теплые дни. Я как будто не вижу солнца и не ощущаю тепла. Зачем же остаюсь я? Зачем продолжаю быть звеном правительства, когда почти ничем не доволен, почти ничему не сочувствую и почти ни на что не надеюсь. Я связан, опутан. Я не могу сдвинуться с той точки постоянных колебаний, на которую судьба меня поставила» (25 мая 1866 г.) [2, с. 128]. «Все наши колебания происходят, собственно, от того, что время требует новых форм, а мы желаем удержать прежние» (25 июля 1866 г.) [2, с. 140]. «Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности, к чувству приличий нам совершенно чуждо» (10 октября 1866 г.) [2, с. 155].

1. Валуйев, П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. / П.А. Валуев; ред., введ., биограф. очерк, с.17–54, и коммент. проф. П.А. Зайончковского. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 1 : 1861 – 1864 гг. – 422 с., 1 л. портр.
2. Валуйев, П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. / П.А. Валуев; под ред. и с предисл., коммент. П.А. Зайончковского. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 2 : 1865 – 1876 гг. – 588 с.